
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

УДК 82.091

ЮРЧЕНКО Т.Г.¹ КНИГА Э.Р. КУРЦИУСА «ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛАТИНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕМ.

DOI: 10.31249/lit/2022.01.01

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация научного метода и терминологии Э.Р. Курциуса российскими литературоведами. Указывается на присущее ученому на протяжении всей его жизни единство подхода к изучаемым явлениям – будь то ранние литературно-критические статьи об отдельных писателях или фундаментальный труд о европейской литературной традиции: суть этого подхода – в сочетании универсализма и спецификации. Особое внимание уделено понятию «топос», его происхождению и переосмыслению у Курциуса. Прослежено соотношение «исторической топики» Курциуса и исторической поэтики как направления в отечественной науке о литературе, в частности, показаны моменты схождения и расхождения во взглядах Курциуса и А.Н. Веселовского, Курциуса и А.В. Михайлова.

¹ Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, ответственный секретарь «Литературоведческого журнала».

Ключевые слова: литературная традиция; топос; историческая топи́ка; риторика; историческая поэтика; А.Н. Веселовский, А.В. Михайлов, Э. Ауэрбах.

Для цитирования: Юрченко Т.Г. Книга Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» и ее рецепция отечественным литературоведением // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 1. – С. 9–30. – DOI: 10.31249/lit/202.01.01

YURCHENKO T.G. E.R. Curtius's *European literature and the Latin Middle Ages* and its reception in Russia.

Abstract. The paper deals with the Russian reception of scholarly method and terminology used by Ernst R. Curtius. The essence of his method is a combination of the universal and specific approaches to literature, and he applied this method whether in his early works on individual writers or in his fundamental work on the European literary tradition. This paper pays particular attention to the concept of “topos” borrowed from the classical rhetoric and then reinterpreted by the scholar. It also reveals the similarities and differences between Curtius's “historical topic” and historical poetics as a branch of Russian philology presented in the writings of A.N. Veselovskij and A.V. Mikhailov.

Keywords: literary tradition; topos; E.R. Curtius; historical topic; historical poetics; A.N. Veselovskij; A.V. Mikhailov; E. Auerbach.

To cite this article: Yurchenko, Tatiana G. “E.R. Curtius's *European literature and the Latin Middle Ages* and its reception in Russia”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 1, 2022, pp. 9–30. DOI: 10.31249/lit/2022.01.01

В 2020 г. вышел в свет долгожданный русский перевод книги немецкого ученого Э.Р. Курциуса (1886–1956) «Европейская литература и латинское Средневековье»¹, впервые опубликованной в 1948 г. и вышедшей вторым изданием – дополненным и пересмотренным – в 1953 г. (перевод выполнен по этому изданию).

¹ Курциус Э.Р. *Европейская литература и латинское Средневековье* : в 2 т. / пер., комм. Д.С. Колчигина ; под ред. Ф.Б. Успенского. – Москва, 2020.

Книга, переведенная на многие языки и оказавшая очень значительное влияние на западное литературоведение, уже давно была известна отечественным ученым, правда, круг тех, кто знал ее не только по названию, был довольно ограничен. Перевод столь объемного исследования, который иначе как научным подвигом не назовешь, снабженный обстоятельным предисловием о жизни и взглядах Курциуса и выполненными на высоком научном уровне подробными комментариями, занимающими половину второго тома (первое комментированное издание этой книги!), делает исследование Курциуса достоянием широкого российского научного сообщества.

В Предисловии ко второму изданию (1953) главной книги своей жизни Э.Р. Курциус так сформулировал ее цель: «Это попытка новыми методами осветить традицию в ее пространственно-временном единстве. В духовном хаосе современности было необходимо, пока это еще возможно, продемонстрировать такое единство. Но этого не достичь без какой-то универсальной основы. Ею стала латинская культура... Латинское Средневековье – это один из фокусов того эллипса, который мы намерены очертить. Второй фокус – европейская литература»¹.

В центре внимания Курциуса – западная культура как единая непрерывная традиция от Гомера до Гёте; исходным пунктом исследования становится латинский язык как язык церкви, права, литературы и образования.

Курциус, отмечает И. Попова [6], первым поставил вопрос о традиции европейского образования при изучении литературы. Европейская литература, по Курциусу, покоится на многовековой традиции образования и сама принадлежит образованию. С VI в. до н.э. Гомера начинают изучать в школе, а связь эпоса и школы, возникшая у греков, будет усвоена римлянами и сохранится до времени Гёте. Основа латинской системы образования – Вергилий: «С первого столетия императорской эпохи и до времен Гёте, – писал Курциус, – всякое латинское образование начиналось с чтения первой эклоги. Без преувеличения можно сказать: у того, кто не

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 74.

держит в голове это маленькое стихотворение, нет ключа ко всей литературной традиции Европы»¹. Первая эклога Вергилия предстает, таким образом, подчеркивает И. Попова, не как текст в системе античной литературы, а как текст «в системе латинского образования, поддерживающей аутентичность его структуры и смысла на протяжении столетий» [6, с. 293].

Беспрецедентный по масштабу охват материала потребовал выработки нового теоретического обоснования, поскольку современная ученому литературная наука дать какой-либо опоры не могла. «Литературоведение последних пятидесяти лет, – писал Курциус, – это фантом. Для научного рассмотрения европейской литературы оно не подходит по двум причинам: из-за намеренного сужения исследовательского кругозора и непризнания структурной автономности литературы»².

Курциус назвал свой подход феноменологией литературы, которая, по его мнению, отлична от истории литературы (*Literaturgeschichte*), сравнительного изучения литератур (*Literaturvergleichung*) и литературоведения (*Literaturwissenschaft*). И в Германии, и во Франции времен Курциуса «история литературы», отмечает в предисловии к переводу С. Козлов [1], представляла собой исторический нарратив с явно или неявно предполагаемой концепцией. Если в Германии она становилась частью «истории духа» (*Geistesgeschichte*), основанной на принципах гегелевской философии, в соответствии с которой смены культурных эпох представляли как стадии развития мирового духа, причем каждая эпоха мыслилась как замкнутое единство, возведенное к абстрактному понятию («античность», «Средние века» и др.), то во Франции, где господствовала концепция И. Тэна, применявшая к литературе набор из трех факторов – «раса», «среда», «момент», специфика литературы растворялась именно в этих факторах. Наименее определенное понятие «момент» чаще всего означало борьбу литературных школ и идейных течений, и история литературы понималась как история этих школ и течений.

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 305.

² Там же. – С. 87.

Методологические принципы Курциуса, считает С. Козлов, проясняют его книга о Брюнетьере, главка «Задача критика» из его монографии о Прусте и статья о Шарле Дюбо (обе – 1925), а также первая глава его *opus magnum*. Главной реальностью для ученого «всегда был индивидуальный духовный мир, несводимый ни к каким абстрактным классификациям... Изучаться может творчество отдельного автора... Изучать же некую обобщенную, собирательную “литературу” – ложная задача» [1, с. 50].

Такой подход характерен как для раннего Курциуса – литературного критика и публициста, так и для Курциуса – исследователя европейской традиции. В своей литературной критике Курциус предпринял попытку проникнуть в индивидуальный духовный мир писателя, не налагая на него расхожие классификационные понятия. В эссе о Прусте он сформулировал два своих главных принципа – анализ и синтез: «Через осознание и изоляцию отдельных черт [Einzelzüge], идя путем их обобщения, критик приходит к восстановлению общей духовной позиции автора» [цит. по: 1, с. 51]. Феномены разного масштаба – мир писателя и мир европейской литературы, для Курциуса однотипны: «Это замкнутые духовные миры, которые представляют собой устойчивую совокупность взаимозависимых элементов. Чтобы восстановить такой мир сознания, его надо описать поэлементно, послойно» [1, с. 53].

Курциус посвятил свой главный труд памяти двух немецких ученых – филолога-романиста Густава Грёбера (1844–1911) и историка искусства Аби Варбурга (1866–1929), наиболее сильно повлиявших на формирование его научных интересов. Под руководством Г. Грёбера Курциус стал заниматься латиноязычной, а затем старофранцузской литературой. Развитое в главном труде Варбурга – атласе европейского искусства «Мнемозина» – учение о «выживаемости» выразительных символов, согласно которому «так называемые экспрессивные формулы, нашедшие свое совершенное выражение в античной пластике, стали родовым признаком всего европейского изобразительного искусства и сохранились в нем вплоть до новейшего времени» [2], находит отзвук в топологии Курциуса, которую, по мнению переводчика и комментатора

книги – Д. Колчигина, можно рассматривать как иконологию Варбурга, переосмысленную в сфере литературы.

Среди других повлиявших на взгляды Курциуса ученых Д. Колчигин называет также представителей классической филологии – Эдуарда Нордена (Германия), Эдмона Фараля (Франция), бельгийского филолога Августа Шелера, французского философа Анри Бергсона, русского писателя и мыслителя Вяч. И. Иванова (его имя упоминается в книге, а переписка Курциуса с ним опубликована¹).

Важнейшее влияние на интеллектуальное формирование Курциуса оказала идеология гуманитарных исследований, принятая в кругу поэта и переводчика Стефана Георге (1868–1933). «Главная обязанность историка, согласно Георге, отмечает С. Козлов, – выделить и запечатлеть в своем исследовании *гештальт* объекта... Гештальт – это структура, определяющая смысл явления. Это схватываемый сознанием образ объекта. Для Георге речь шла о том, чтобы выделить гештальт уникальной исторической фигуры или шедевра» [1, с. 59].

Стремлением к выделению гештальта отмечены все обобщающие работы Курциуса. «Во всех этих работах сквозной интенцией исследователя выступает центростремительная интенция, позволяющая Курциусу всякий раз интегрировать все прослеживаемые им слои изучаемого объекта в единое целое... Схватывание целого – это и есть выделение **гештальта**. Но необходимым условием выделения гештальта является “отсечение всего лишнего”» [1, с. 60].

Таким гештальтом в исследованиях Курциуса 20-х годов являются художественные миры отдельных писателей, а в его главном труде – «европейский дух», европейская литературная традиция. «Дух, – пишет Курциус, – говорит на своем языке только через слово. Только в поэтическом слове он обретает свободу и возвышается над понятием, над учением, над предписанием. Техники передачи знаний – грамматика, риторика, “свободные искус-

¹ Вахтель М. Переписка Вячеслава Иванова с Э.Р. Курциусом // Текст и традиция : альманах, 4 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». – Санкт-Петербург, 2016. – С. 386–407.

ства», школы – защищают этот дух, но в то же время опустошают и отчуждают его. Эти техники – не самоцель, равно как и сама непрерывность. Это просто вспомогательные средства для памяти. От памяти зависит осознание личностью своей независимости от перемен. Литературная традиция – это средство, с помощью которого европейский дух пронесет свою самость через столетия»¹. Ради этого гештальта Курциус отсекает всю народноязычную литературу Европы и, отвечая критикам, подчеркивает, что его интерес лежит в области латинского Средневековья, а не Средневековья вообще, и что без этого латинского подтекста невозможно понять и всю средневековую литературу на народных языках.

Курциуса упрекали в статичности его картины европейской культурной истории – без конфликтов и динамики. Эти обвинения, полагает С. Козлов, ссылаясь на Гаральда Вейнриха², в значительной степени будут несостоятельны, если считать главный труд Курциуса не книгой о человеческой истории, но исследованием определенного типа сознания и культурной памяти, присущей этому сознанию.

Показав, как система образования, сложившаяся в классической древности и изначально ориентированная на воспитание риториков, сохранялась в Европе на протяжении многих веков, в результате чего приемы античной риторики проникли вглубь европейской литературной традиции, Курциус особое внимание уделил «общим местам», или «топосам» – риторическим аргументационным схемам, прослеживаемым в литературе вплоть до XVII в., которые и доказывают существование общеевропейского, донационального слоя – «латинского Средневековья» – в письменной культуре Запада.

Топос не является центральным понятием исследования Курциуса, отмечает И. Попова, однако в массовом литературоведческом сознании оно предстает именно таковым: после Курциуса изучение топосов стало самостоятельным направлением в изуче-

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 552.

² Weinrich H. La boussole européenne de Curtius // Ernst Robert Curtius et l'idée d'Europe : Actes du Colloque de Mulhouse et Thann... organisé par J. Bem et A. Guyaux. – Paris, 1995. – P. 307–318.

нии литературы. Это во многом обусловлено, по мнению исследовательницы, рецензией Э. Ауэрбаха¹, который представил топологию как «доминирующий метод» книги, хотя сам же и подсчитал, что о «топосе» говорится только в семи из восемнадцати глав и только в некоторых из двадцати пяти экскурсов. В дальнейшем в статье «Филология мировой литературы»² Ауэрбах назвал *topoi* исходным пунктом концепции Курциуса. «Необходимо учитывать поэтому, – пишет И. Попова, – что использование *topoi* в качестве самостоятельного метода исследования основывается не только (и не столько) на книге Курциуса, как она была задумана и написана автором, но и – имплицитно – на ее прочтении Ауэрбахом» [6, с. 281]. Сам Курциус топологию как автономный метод никогда не декларировал; *topoi* в его книге – одна из констант «литературной биологии», обеспечивающих сохранение и передачу европейской культурной традиции.

Труд Курциуса, подчеркивает и Д. Колчигин, не сводится к изучению топосов; он – о непрерывности литературной традиции, о взаимодействии поэтики и риторики, о том, что «антично-языческое и позднеантично-христианское представление об “украшенной речи” составляет в развитии европейской литературы осевую линию, а топосы суть эпизод» [2].

И все же топосы чрезвычайно важны в исследовании Курциуса, провозгласившего методологическим основанием своей книги осознание целого, универсализм, в сочетании со специализацией. Недаром в открывающих книгу «Руководящих принципах» Курциус приводит цитату из немецко-австрийского романиста, специалиста по баскской филологии Гуго Шухардта (1915): «Равноправное сочетание микроскопии и макроскопии составляет идеал исследовательской работы»³.

¹ Auerbach E. Ernst Robert Curtius : «Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter» [Rez.] // Modern language notes. – 1950. – Vol. 65. – P. 348–351.

² Auerbach E. Philologie der Weltliteratur // Weltliteratur. Festgabe für Fritz Strich zum 70. Geburtstag / W. Henzen, W. Muschg, E. Staiger (hrsg.). – Bern, 1952. – S. 39–50.

³ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 72.

«В этом исследовании, – пишет Курциус, – мы исходим из того, что северно-средиземноморский Запад исторически един. Наша цель – показать это единство и в литературе. Для этого необходимо выявить те примеры культурной преемственности, которых ранее не замечали. Техника филологической микроскопии позволила нам найти элементы с идентичной структурой в текстах самого разного происхождения: эти элементы мы признали за выразительные константы европейской литературы. Их бытование указывает на единые и всеобщие правила в теории и практике литературного высказывания»¹.

И еще одна цитата из Курциуса: «Раз европейскую литературу необходимо рассматривать как единое целое, то исследовать ее можно только исторически. И не в форме истории литературы! История как пересказ и перечисление не дает ничего, кроме знания списочных фактов. Сам материал оставляется в случайном виде. Исторический же подход подразумевает проникновение в материал и его раскрытие. Для этого необходимо выработать аналитические методики, способные, как химические реагенты, разлагать материал на его составные части и делать его структуру очевидной»².

Топосы, по Курциусу, – это и есть такие стилистические первоэлементы, внеличностные и всеприсутствующие составные части целого. Термин «топос» Курциус позаимствовал из риторики, и этот термин, вернее – его смысловая неопределенность у Курциуса, вызвала наибольшие претензии со стороны оппонентов, поскольку значение, которое ученый вкладывает в понятие «топос», расходится с принятым в античности и более соответствует понятиям «мотив», «архетип». Топосом у Курциуса может стать метафора, персонаж, описательный стереотип («прелестный уголок») или традиционное категориальное сопоставление («поэзия и философия»). Объяснение этой разнородности С. Козлов усматривает в том, что Курциус «интуитивно понимал, что человеческая память работает не посредством логических классификаций, а по-

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 350.

² Там же. – С. 91.

средством связей, устанавливаемых между элементами, имеющими самое разное содержание» [1, с. 55].

Историю критики понятия «топос» у Курциуса обстоятельно представил в своих комментариях Д. Колчигин, особо выделив работу Вальтера Фейта «*Toposforschung, ein Forschungsbericht*» (1963). Фейт, пишет Д. Колчигин, «приходит к выводу, что Курциус почти ничего не оставляет от изначальной аристотелевской концепции ..., однако идеи его столь существенно повлияли на новейшее литературоведение, что именно новое, введенное Курциусом значение следует отныне считать основным. Тот факт, что Курциус очертил поле топологических исследований, но не дал четких и окончательных формулировок, стало, по Фейту, залогом дальнейшего развития новой дисциплины. Главная типологическая проблема в этом отношении: разграничение топосов, мотивов и символов»¹.

Сам Курциус, видимо, предчувствуя упреки в отклонении от античного значения «топоса», выдвигает понятие «исторической топики». В главе V он замечает: «Мы держимся античного представления о топики. Это послужит нам точкой исхода и эвристическим принципом. Одновременно с этим, положившись на античную топику (систематизированную и нормативную) как на часть системы знаний, мы попытаемся отыскать основания для исторической топики»².

Как показывает Д. Колчигин, в пользу оправданности терминологического выбора у Курциуса свидетельствует исследование Герхарда Буттерса «*La théorie des topiques comme modèle de production de texte*» (1981), где анализируется риторический трактат Пьера Фабри (1450–1535) «*Le Grand et vrai Art de pleine Rhétorique*» (1521), который явно не был известен Курциусу, и демонстрируется сходство подходов Фабри, разграничивающего «топы» в их античном значении и «общие места» в их применении к более поздней литературе, и Курциуса. По предположению Буттерса, пишет Д. Колчигин, «Фабри следует здесь школьной тради-

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 2. – С. 387.

² Там же. – Т. 1. – С. 173.

ции, которую можно возвести еще на несколько веков в прошлое. Соответственно, “антиисторическое” понимание топоса, которое предлагает Курциус, в действительности почти идеально согласуется с образовательной традицией латинского Средневековья и Возрождения»¹.

Подробно соотношение риторического и литературоведческого топосов анализирует А.Е. Махов [4], доказывающий, что Курциус, заимствовав термин из риторики, совершил терминологическую подмену.

В риторике, замечает исследователь, топос, общее место – это средство нахождения аргументов. Квинтилиан, рассуждая о риторическом *locus*’е, имеет в виду «“умственное” место – некую общую категорию или ход мысли, которые помогали порождать или находить аргументы» [4, с. 277]. Топос же по Курциусу – это собственно аргумент, «вернее, словесные формулы, возникшие из риторических аргументов... <Курциус> перенес название топоса с общего места, где ищут, на то конкретное, что там находят» [4, с. 278]. Так, приводит пример А. Махов, утверждение «все люди смертны» по Курциусу – топос, а для античного оратора – аргумент, найденный в общем месте «от природы человека» («*a natura hominum*»).

Замену, произведенную Курциусом, А. Махов связывает, с одной стороны, с утверждавшимся в европейской культуре понятием общего места как *common place* – готовой, расхожей формулы, а с другой – со стремлением Курциуса как можно скорее уйти от риторики с ее рационализмом: «...риторика для Курциуса – не более, чем некий резервуар, из которого черпает литература; но литература для него именно там становится самой собой, где прекращается риторика... В этом парадокс всей теории Курциуса: заимствуя свое ключевое понятие из риторики, он обрубаем все его связи с этой наукой, по сути отбрасывает риторику как таковую, в том числе и категорию аргументации, которой топос подчинен» [4, с. 278–279]. Именно с этим искусственным отделением топоса от системы аргументации А. Махов связывает неясность литературо-

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 2. – С. 388.

ведческого понятия топоса – это то ли устойчивый образ, то ли мотив, то ли словесная формула.

Со времен Курциуса наука пересмотрела соотношение риторики и художественной словесности, вернее – отношения риторики с рационализмом, которые оказались сложными до враждебности. Была установлена и общность приемов аргументации в разных областях словесной деятельности. Это открыло возможность распространить исследования риторической аргументации в литературе всех эпох, вплоть до Новейшего времени. Принимая определение топоса Курциусом как схемы мысли или выражения, А. Махов вместе с тем считает, что это – «такая схема, которая возникает по ходу аргументации, в процессе того, как автор, поэт, литературный персонаж восхваляет или порицает, советует или отговаривает, утешает или наставляет, льстит или угрожает и т.д.; иначе говоря – в процессе достижения автором или героем определенной коммуникативной цели посредством огромного набора приемов» [4, с. 281]. Трактовка топосов как точек схождения и расхождения линий аргументации открывает, по мнению исследователя, определенные перспективы для компаративистики, поскольку «разные эпохи и нации обнаруживают порой удивительное сходство словесных формул. Но это сходство чаще всего – лишь следствие применения аналогичных приемов аргументации, пути которой дальше могут расходиться... Вопрос о степени различия аргументативных рисунков, в которые включены идентичные топосы, представляется самым интересным для компаративиста» [4, с. 289].

Размышляя о методе поиска топосов как «отправных точек» Курциуса, Д. Колчигин сближает его с научными подходами Л. Шпитцера и Э. Ауэрбаха. Курциус и Шпитцер («Лингвистика и история литературы», 1948) сходно описывают свой рабочий метод: «первый шаг – интуитивный рывок к важным обстоятельствам, второй – “центростремительное” проникновение в суть этих обстоятельств, третий – “центробежная аналитика”, т.е. рассмотрение всех сопутствующих явлений. Курциус при этом в большей степени опирался на Бергсона, а Шпитцер – на Дильтея, но их итоговые выводы оказались очень близкими» [2].

Ауэрбах отмечал, что он многим обязан книге Курциуса, но почти ни с чем в ней не согласен. Не разделяя идеи о ключевом значении риторической традиции в истории европейской литературы, Ауэрбах обратил внимание на системность топологического подхода; в 1951 г. он свой собственный метод назовет поиском «некоей исторической топологии». В своей последней книге он, не в пример Курциусу, оценивает роль среднелатинского языка как препятствия на пути живой народноязычной литературы.

Подходы Курциуса и Ауэрбаха Шпитцер охарактеризовал как «изображения половин», и это, по мнению Д. Колчигина, не случайно. «Первый, – пишет он, – свел Средневековье к продолжению Античности, а второй отождествил историю западноевропейской литературы с историей реализма. Иногда действительно кажется, что Курциуса и Ауэрбаха нужно читать вместе, они дополняют друг друга» [2].

«Историческая топики» Курциуса сопоставляется и с проектом «исторической поэтики», намеченной в трудах А.Н. Веселовского. «Предпринятому А. Веселовским опыту построения исторической поэтики (в противовес нормативной классической поэтике), – пишет А. Махов, – в работах Э.Р. Курциуса соответствует опыт исторического развертывания классической нормативной риторики, и прежде всего топики как ее раздела» [3, с. 183].

Веселовский, создавая свою новую, индуктивную поэтику, отмечает исследователь, отверг «умозрительные построения» нормативной поэтики, но не отказался от ее ключевых понятий (род и жанр), которые получили теперь историческую трактовку.

Аналогично и Курциус строит новую риторику, не отбрасывая старую, но превращая нормативное в историческое. «В нашем исследовании, – пишет он, – мы ориентируемся на систему греческой риторики. Из ее систематических понятий мы выделили исторические категории. Потому эту книгу можно было бы назвать “Nova Rhetorica”»¹.

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 230.

Историческая поэтика, по Веселовскому, призвана «определить роль и границы предания в процессе личного творчества»¹. Историческая топика («новая риторика») Курциуса, исследующая «возвратные или неизменные феномены из области литературной биологии»², отмечает А. Махов, позволяет «провести границу между индивидуальным и типическим»³.

Оба исследователя ищут постоянные или повторяющиеся элементы, обеспечивающие непрерывность традиции, оба отделяют эту традицию от личного творчества и, наконец, «оба своими построениями конституируют такое исследовательское поле, которое в своей целостности упраздняет национальные и географические границы» [3, с. 185].

Если Веселовский нацелен на «поэзию во всех ее доступных нам проявлениях»⁴, на всю «всемирную литературу», то предмет изучения Курциуса – европейская литературная традиция, единство которой Курциус обосновывает, позаимствовав идею цивилизации у А. Дж. Тойнби.

Оба исследователя для конституирования сверхцелостности нуждаются в «элементах, позволяющих устанавливать связи между удаленными во времени и пространстве явлениями» [3, с. 186]. У Веселовского это «формулы» (иногда он называет их «общими местами»), у Курциуса – «топосы» (иногда именуемые «формулами»).

Обращаясь к вопросу происхождения этих элементов, А. Махов отмечает, что для Веселовского их источником становятся процесс разложения обряда, с одной стороны, а с другой – мифы, которые были «не только образным выражением религиозной мысли, но и готовыми формулами поэтического творчества, плодившими новые образы и обобщения»⁵. Веселовский допускает

¹ Веселовский А.Н. Избранное : историческая поэтика / под ред. И.О. Шайтанова. – Москва, 2006. – С. 537.

² Курциус Э.Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 74.

³ Curtius E.R. Zum Begriff einer historischen Topik, (1938–1949) // Toposforschung. Eine Dokumentation / hrsg. von P. Jehn. – Frankfurt a. M., 1972. – S. 14.

⁴ Веселовский А.Н. Указ. соч. – С. 83.

⁵ Там же. – С. 246.

также, что наряду с культурными механизмами действовал механизм психологический: некоторые поэтические формулы «могли зародиться самостоятельно», вызванные «психическими процессами»¹.

По Курциусу, механизмом порождения формул становится классическая риторика, когда в связи с закатом античных республик «публичные ораторы стали школьными декламаторами»². Оратору предписывалось искать аргументы в определенных местах – «топосах», этих хранилищах общих мыслей. «Как только этот “склад” стал обслуживать литературу, аргументы перестали выполнять функцию доказательств, но превратились в общие места – устойчивые мыслительные схемы-формулы, соответствующие определенным ситуациям» [3, с. 188–189]. При этом Курциус допускает возможность и нериторического происхождения формул: они могли возникнуть в поэзии и затем перейти в риторику. Вторичным источником формул у него становятся юнгианские архетипы подсознания, а не «единство психологических процессов»³, как у Веселовского.

Соотношение схемы-формулы с индивидуальным творческим Веселовский продемонстрировал в своей книге «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”»: «Поэзия Жуковского трактована здесь вполне в русле исторической поэтики как совокупность формул и мотивов» [3, с. 191], причем это находит отражение уже в самом названии – «“чувство” – подлинное переживание; “воображение сердца” – способность подводить новые переживания под однажды выработанную формулу, укладывать их в готовую схему» [3, с. 192].

Проблеме взаимодействия «личного почина» с готовыми формулами Курциус уделяет гораздо меньше внимания, однако в параграфе «Дух и форма» последней главы своего труда он, обнаруживая близость идеям Веселовского, пишет: «Дух оживает черз

¹ Веселовский А.Н. Указ. соч. – С. 387.

² Curtius E.R. Zum Begriff eines historischen Topik... – S. 11.

³ Веселовский А.Н. Указ. соч. – С. 541.

форму. Формы – это те образы и образные системы, через которые все духовное и интеллектуальное может проявиться и проясниться»¹.

Отметив сходные черты исторической поэтики и исторической риторики, А. Махов обращается к их различиям. Если нормативная поэтика исходила из «подражания», то Веселовский выдвигает на первый план «психологические» понятия – выражение, восприятие: его историческая поэтика «становится поэтикой личного творчества; а отсюда открывается переход и к задуманным Веселовским в рамках исторической поэтики “истории идеалов” и “истории личности”» [3, с. 198].

Ничего подобного нет у Курциуса, которого интересует осмысление исторического духовного единства Европы. Ключевое понятие нормативной риторики – *inventio*, нахождение аргументов в топосах, – сохраняет у него свою силу: поэт черпает свои образы из запаса, сформированного традицией.

В некотором смысле, пишет А. Махов, Курциус начинает там, где заканчивает Веселовский: Веселовский дает очерк истории «поэтического сознания от его физиологических и антропологических начал и их выражений в слове – до их закрепощения в ряде формул, наполняющихся содержанием очередных общественных мирозерцаний»², Курциус начинает именно с момента «закрепощения».

Метод Курциуса историчен, как и метод Веселовского, однако эта историчность в особом смысле: оба исследователя «описывают не линейную историю “от и до”, историю, где можно двигаться только вперед, но очерчивают историческое пространство, которое доступно во все концы, в котором возможно движение в любом направлении. Создавая это объемное историческое пространство, оба, по сути, разрушают оппозицию истории и типологии» [3, с. 200–201].

Оспаривая получившее распространение в настоящее время в науке мнение, что книга Курциуса оказала значительное воздействие на русскую историческую поэтику в 1970–1990-е годы, в

¹ Курциус Э.Р. Указ. соч. – С. 547.

² Веселовский А.Н. Указ. соч. – С. 509.

частности, на формирование концепции трех сменяющих друг друга эпох в европейской литературной истории, И.Л. Попова указывает, что «эта идея носилась в воздухе с конца 1920-х гг. (т.е. еще до книги Курциуса), оформлялась постепенно, как в Европе, так и в России (в том числе усилиями Курциуса), но приобрела свою классическую форму в исторической поэтике 1970–1990-х гг.» [6, с. 275].

Первым проблему «русская историческая поэтика и западное литературоведение», указывает исследовательница, поставил А.В. Михайлов, определявший историческую поэтику как «существенное ядро науки о литературе»¹ в целом и считавший, что из западных ученых ближе всего к исторической поэтике подошел именно Курциус. Как программу к действию Михайлов озвучил мысль Курциуса об истории литературоведческой терминологии как основании, «на котором единственно и возможно возвести крепкое сооружение»² науки о литературе, задумав осуществить проект, посвященный ключевым словам науки о литературе. Михайлов «разграничивал регулярные термины, функционирующие в системе и не участвующие в том же значении в общем языке, и ключевые слова, употребляемые в сходном значении как в языке науки, так и в обыденном языке; его интересовали изменения, которые претерпевает язык науки в постриторическую эпоху, в эпоху разрушения и / или преобразования западной традиции, исследованию которой посвящена книга Курциуса» [6, с. 283].

Именно системная определенность ключевых понятий – в центре внимания Курциуса. Так, семантическая идентичность «топоса» в границах исследуемого им периода обеспечивается системой латинского образования. Важно и то, указывает И. Попова, что о каждой литературной эпохе он стремится говорить языком ее теории, соотнося при этом терминологические ряды различных поэтик. Метод Курциуса «отличается как от предшествующего позитивистского литературоведения, полагавшего, что материал скажет все за себя сам, достаточно его собрать и хронологически

¹ Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. Очерки из истории филологической науки. – Москва, 1989. – С. 20.

² Курциус Э.Р. Указ. соч. – С. 251.

упорядочить, так и от теоретического мейнстрима второй половины XX в., предпочитавшего жесткую концептуальную конструкцию, изложенную специально созданным языком и проиллюстрированную ограниченным числом репрезентативных примеров. Курциус, в отличие от тех и от других, достигает баланса концепции и факта, теории и материала, и этот баланс – результат не интуиции, а точного расчета. При полноте охвата материала его теоретическая конструкция оказывается достаточно прочной, чтобы выдержать давление фактов, не укладывающихся в систему, при этом не проигнорировав их, а объяснив, – и достаточно гибкой, чтобы варьировать свои приемы и свой язык при переходе от эпохи к эпохе. По мере приближения к современности материал неизбежно корректирует метод, выработанный для исследования средневекового канона» [6, с. 295]. С исторической поэтикой разработанную Курциусом науку о европейской литературе сближает (а от дискретных диахронических исследований второй половины XX в. отличает) «установка на исследование научно рассчитанного целого» [6, с. 280].

Одной из базовых идей Курциуса становится представление о невозможности адекватного изучения истории литературы без истории науки о ней. О соотношении творчества и теории, подчеркивает И. Попова, писал и А.В. Михайлов, указывая, что «одно плавно переходит в другое и нередко одно просто заключается в другом или продолжается другим»¹.

Сопоставлению историко-литературных концепций Курциуса и Михайлова посвящена статья А.Е. Махова [5]. Михайлов, пишет исследователь, сам считает возможным соотнести «морально-риторическую систему» Курциуса с собственной концепцией развития языкового сознания в качестве одного из его этапов. Оба ученых трактуют риторику очень широко – не только как систему ораторских приемов, но и как «способ бытия слова, позволяющий слову стать универсальной формой, в которую облекается многообразное знание о мире и человеке» [5, с. 128].

¹ Михайлов А.В. Историческая поэтика в контексте западного литературоведения // Историческая поэтика : итоги и перспективы изучения. – Москва, 1986. – С. 65.

Сходный взгляд на литературу из перспективы риторики дает, однако, разные результаты. Курциус отрицает деление на стилевые эпохи, Михайлов отстаивает стадильность подхода: при смене эпох, на границах, считает он, и происходит самое важное. По Курциусу, всеприсутствие и универсальность топосов обуславливают внутреннюю однородность европейской словесности в ее единстве и континуальности. По Михайлову же, литературоведение занято тем, «что погружено в беспрестанное становление, тем, что постоянно меняется»¹.

Михайлов делит литературу европейской традиции на пять этапов, каждый из которых так или иначе соотносим с риторикой: 1) этап дориторического слова; 2) «морально-риторическая система»; 3) рубеж XVIII–XIX вв., осмысление итогов предшествующего развития и одновременно пробуждение дориторического, «архаического» слова; 4) этап антириторического, реалистического слова; 5) этап «литературного слова», отмеченный свободой писателя использовать традицию во всей ее полноте.

«Во вневременной системе Курциуса, – пишет А. Махов, – все может повториться; в системе Михайлова повториться не может ничего: все единственно» [5, с. 134–135].

И у Курциуса, и у Михайлова, замечает исследователь, через риторическое слово *поэзия* соотносится со *знанием*, а риторическое и поэтическое *слово* – с *образом*. Поэзия как риторически украшенная истина, имевшая образовательную функцию и своей принадлежностью к образованию обеспечившая непрерывность европейской традиции, – таков тезис Курциуса. Не так у Михайлова, для которого поэзия и наука происходят от «единой ветви знания»², но тесной связью – вплоть до неразличимости – поэзии и «науки» для него отмечена именно эпоха риторического слова, когда литература является частью морально-риторической системы знания. Обращаясь же к эпохе реализма с его антириторическим словом, где автор «владеет словом от лица действительно-

¹ Михайлов А.В. Методы и стили литературы / сост., предисл., комм. Л.И. Сазоновой. – Москва, 2008. – С. 5.

² Там же. – С. 17.

сти»¹, Михайлов дополняет понятийную пару «поэзия – знание» еще одним элементом – *жизнь* (реальность), который полностью отсутствует у Курциуса, не усматривающего в поэтических высказываниях свидетельств реальности.

Михайлов, считает А. Махов, в некотором смысле синтезирует риторический подход Курциуса и «миметический» подход Э. Аурбаха: «Курциус и Ауэрбах, разделявшие методологию “микроскопического” стилистического анализа, в общей картине литературного процесса остались антагонистами; гибкая стадияльная модель Михайлова, выдвинувшего в центр рассмотрения сам момент этого перехода, преодолела этот антагонизм» [5, с. 137].

Вторая пара понятий – *слово* и *образ*, указывает А. Махов, не стала предметом эксплицитной рефлексии Курциуса и Михайлова, однако можно заметить, что «слово у Курциуса первенствует, но в спокойном и свободном сосуществовании с образным началом и в некой параллели (очень скупо намеченной) с изобразительным искусством, наука о котором даже снабжает филологию своим методом» [5, с. 139], в то время как у Михайлова отношения слова и образа напряжены и оказываются разными в разные эпохи: в морально-риторическую доминирует слово, «образ не самоценен, но служит субститутом вещи, на которую указывает как своего рода знак-индекс... Явленная в образе (в том числе и в эмблематической *pictura*) вещь подлинный смысл получает лишь в толкующем ее слове» [5, с. 140]. В антириторическую эпоху, по Михайлову, и в эту диаду вторгается понятие *жизнь*: «Слово перестает быть самоцелью, занимая теперь подчиненное положение – оно умалется, даже уничтожается в реальности образа, жертвуя собой жизни... Но и образ теперь – уже не замкнут в риторической “фигуре”, но непосредственно представляет саму жизнь. Образ теперь слит с жизнью; слово – лишь инструмент, создающий “образ жизненной полноты”»² [5, с. 141].

¹ Михайлов А.В. Поэтика барокко : завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – Москва, 1994. – С. 331.

² Михайлов А.В. Методы и стили литературы... – С. 35.

Сами курциусовские топосы превращаются у Михайлова «в элементы *содержания*, динамичного и даже психологизированного» [там же]. Так, обращаясь к описанным Курциусом топосам «мир как книга» и «мир как театр», Михайлов трактует их как процессы: книга не равна миру, но указывает на него; она, как и мир, может заключать в себе тайну; «мир – театр» (топос, особенно важный для барокко) интерпретирован с точки зрения барочного человека как «актера» этого театра.

Взгляды Курциуса и Михайлова, подводит итог А. Махов, имеющие общий фундамент риторики, по существу – весьма различны, но не антагонистичны: картина стабильности и континуальности Курциуса дополняется эволюционной концепцией Михайлова, а «понимание литературы как замкнутой в себе системы, транслирующей свои топосы от эпохи к эпохе без особых помех со стороны реальности, дополняется драматическим видением вторжения “жизни” в литературу – таким вторжением, которое все в этой литературе меняет» [5, с. 143].

Не в пример отечественной науке о литературе второй половины XX в., четко противопоставлявшей поэзию и прозу, поэтику и риторiku, Курциус, отмечает И. Попова, рассматривал поэзию и прозу как разные выразительные формы, но объединенные общим родовым понятием – «речь», последовательно фиксируя «историческое перераспределение компетенций риторики и поэтики, их конкуренцию в установлении литературных норм, кодификации жанров и поэтического языка» [6, с. 307]. Подход Курциуса открывал возможность исследования поэзии и прозы в общей системе понятий, который и был реализован «новой риторикой». «Новая риторика», напоминает И. Попова, не рассматривает поэзию и прозу как сущностно различные формы выражения, распространяя это правило вплоть до античности. Литературное творчество предстает как особый вид преобразования языка, механизмы которого (наряду с любым другим преобразованием языка) изучает риторика.

Но является ли «новая риторика» исторической риторикой и соотносится ли она с исторической поэтикой? Ответ, считает исследовательница, скорее отрицательный. «Следует признать, что, сняв давно обременительную и для поэтики, и для риторики оппо-

зицию поэзия / проза как конститутивную, “новая риторика” не приблизилась к теории литературы, но и не отдалилась от нее. Напротив, “новая риторика”, как и созданные на полвека раньше новые поэтики, в том числе историческая поэтика, завершили длительную историю смещения предмета, терминологии и методов исследования, вернувшись к четкому разделению своих сфер» [6, с. 308].

Книга Курциуса, вышедшая более 70 лет назад, продолжает сохранять свою актуальность и сегодня. Абсолютизирующая влияние римской литературы и не учитывающая всего разнообразия фактов, она, тем не менее, как пишет С. Козлов, «содержит мощный гештальт – гештальт большого культурного мира. Она дает читателю возможность *понять смысл* этого мира, увлечься этим миром и перейти к его дальнейшему изучению... Она выступает как ценнейший путеводитель для непосвященных» [1, с. 62].

Список литературы

1. Козлов С.Л. Эрнст Роберт Курциус и его *opus magnum* // Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье : в 2-х т. / пер., коммент. Д.С. Колчигина ; под ред. Ф.Б. Успенского. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2020. – Т. 1. – С. 11–66.
2. Куликов Ю. «Филология сегодня в упадке, а литературоведение – в гробу» : интервью с филологом Дмитрием Колчигиным // Горький. 28 января 2021. – URL: <https://gorky.media/context/filologiya-segodnya-v-upadke-a-literaturovedenie-v-grobu/> (дата обращения: 27.08.2021)
3. Махов А.Е. Веселовский – Курциус. Историческая поэтика – историческая риторика // Вопросы литературы. – 2010. – № 3. – С. 182–202.
4. Махов А.Е. «Историческая топика» : раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 275–289.
5. Махов А.Е. А.В. Михайлов и Э.Р. Курциус : два воззрения на литературный процесс из перспективы риторики // Жизнь в науке : Ал. В. Михайлов – исследователь литературы и культуры : коллективная монография / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 127–144.
6. Попова И.Л. Книга Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» и ее значение для исторической поэтики // Клио в зеркале : исторический аргумент в гуманитарной и социальной теории : коллективная монография. – Москва : НЛЮ, 2021. – С. 275–309.